

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1970 ГОД

Основан в 1957 г.

академиком М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1971

СОВЕЩАНИЕ В ИНСТИТУТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АН СССР, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ А. А. ШАХМАТОВА

(к 50-летию со дня смерти)

Памяти академика Алексея Александровича Шахматова было посвящено совещание, состоявшееся 7—8 октября 1970 г. в Ленинграде. Оно было организовано Отделением литературы и языка АН СССР, Институтом русской литературы (Пушкинским домом), Институтом русского языка и Комиссией по истории филологической науки АН СССР.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА

Более пятидесяти лет назад — 16 августа 1920 г. — скончался крупнейший русский филолог А. А. Шахматов. Дело его жизни было настолько обширно, что его трудно охватить на двухдневной сессии.

Поэтому в своем вступительном слове мне хотелось бы только напомнить о тех областях, в которых работал А. А. Шахматов и как ученый и как организатор наук.

Научная сторона деятельности А. А. Шахматова освещена значительно лучше, чем

⁶ «Материалы к библиографии ученых СССР. В. И. Шунков». М., 1971.

⁷ См. настоящий том, стр. 318—322.

научно-организационная. Поэтому на собственно научной стороне я остановлюсь совсем кратко.

Редко случается так, что значение ученого бывает верно оценено сразу же после его смерти. Обычно должно пройти несколько десятков лет, чтобы место ученого в истории науки и оценка сделанного им были правильно определены.

Не так было с Алексеем Александровичем Шахматовым. Его место в науке было как-то сразу осознано. Именно поэтому в 1894 г. 30 лет от роду он был вызван из саратовской глуши, куда он добровольно отправился помогать крестьянству, и избран адъюнктом Академии наук, в 1897 г. — экстраординарным, а в 1899 г. — ординарным академиком. В числе пригласивших Шахматова были такие ученые, как В. Ягич и А. Ф. Бычков. Читая сейчас обширный (488 стр.) том «Известий Отделения русского языка и словесности», посвященный откликам ученых на преждевременную кончину Шахматова (он умер 56 лет), поражаешься тому, как верно оценивали современники личность Шахматова-ученого, его труд и его место в науке.

Три темы больше всего интересовали А. А. Шахматова: история русского языка, история русского летописания и древнейшие судьбы русского народа. Это были для него те «три кита», на которых опозывались и которыми дополнялись все остальные его работы, касавшиеся вопросов изучения тех или иных литературных памятников, народного творчества или вопросов языковедческих, этнографических, археографических и т. д. Но, в сущности, все темы были для А. А. Шахматова самостоятельными, обладали собственной ценностью. Он занимался историей русского летописания не в узкоутилитарных целях, не для того, чтобы проверить достоверность того или иного известия летописи, а потому, что история летописных сводов имеет глубоко самостоятельное значение, как часть истории культуры русского народа. Вот почему Шахматов никогда не называл свои работы источниковедческими, а себя источниковедом. Для него летопись была достойна изучения сама по себе. Однако работы Шахматова по летописанию постоянно служили опорой для других работ, для историко-литературных и исторических построений, и в этом смысле они могут быть названы и вспомогательными и источниковедческими.

К его работам по истории русского языка мы постоянно возвращаемся, и в последнее время больше, чем когда-либо.

Его работы сохраняют свое исключительное стимулирующее и самостоятельное значение до сих пор. Он наш современник. Он не отошел в прошлое. И полвека со дня его смерти — это не преграда, не заслон, а магистральная дорога нашей науки. Его работы удивительно живы и продолжают обогащать нашу науку, нашу мысль.

Вся научно-организационная деятельность А. А. Шахматова носила ярко патристический характер. Он был преисполнен чувства гражданского долга и любви к русскому народу, к делу просвещения народа, к русскому языку, к его памятникам, к его культурному наследию.

Высокое чувство патристизма сочеталось в Шахматове с острым чувством гражданской ответственности.

Напомню о следующем факте. Шахматов был членом Государственного совета от академической курии. Он был туда избран. Но когда министр Л. А. Кассо начал свои репрессии против неугодных ему профессоров, стал их увольнять и готовить за границей благонадежную смену, Шахматов демонстративно сложил с себя звание члена Государственного совета и подписал знаменитый протест 342-х Романову, а затем написал свое письмо президенту Академии наук — вел. кн. Константину Константиновичу.

Патристизм Шахматова, его любовь к русскому народу органически сочетались в нем с защитой прав народов на культурное самоопределение. Он был принципиальным врагом «обрусения». Известно, сколько он сделал для культуры Украины, Мордовии, Латвии и Литвы, а также Белоруссии. Я напомню, например, тот знаменательный факт, когда Шахматов выступил в защиту издания-перевода на украинский язык Библии.

Благодаря всем своим научным, организаторским и связанным с ними гражданским и этическим достоинствам Шахматов смог превратить руководимое им Отделение русского языка и словесности в центр русской национальной культуры, высоко авторитетный и очень продуктивный.

Шахматов не только возобновил в 1896 г. издание «Известий ОРЯС», но он превратил этот журнал в один из лучших филологических журналов мира. И сейчас номера этого журнала не утратили своего научного значения. Не случайно они фототипически переизданы на Западе. За 25 лет своего существования журнал объединил огромный коллектив авторов — русских и иностранных.

Любопытно, что журнал этот велся немногими лицами: самим Шахматовым, сперва совместно с А. Ф. Бычковым, потом с А. Н. Пышиным; а затем им одним и так называемым ученым корректором, который технически оформлял материалы перед отправкой их в типографию.

Такая экономия людских сил достигалась очень легко: Шахматов привлекал к журналу тех авторов, которым доверял как ученым, и не считал для себя возможным вносить в их статьи мелочную правку. Раз одобрив статью, он больше к ней не возвращался.

Шахматов был инициатором «Энциклопедии славянской филологии». Для обсуж-

дения проекта этого большого издания был созван Академией наук в 1904 г. в Петербурге первый съезд славистов.

В «Энциклопедии славянской филологии» вышли также замечательные труды, как «История славянской филологии» Ягича, «Физиология славянской речи» Брока, «Юго-славянская палеография» Лаврова, первый том «Истории русского языка», «Очерк древнейшего периода истории русского языка» самого Шахматова.

Организатор крупного масштаба, Шахматов отлично понимал необходимость объединения усилий не только отдельных ученых, но и различных учреждений: научных библиотек, исследовательских центров, университетов. Он стремился к объединению всех славянских академий. Незадолго до первой мировой войны в Петербурге был созван учредительный съезд для этого объединения. Только война помешала осуществлению этого замысла. И сейчас следовало бы встречаться, чтобы объединить наши научные усилия. Хочу напомнить и о таких важных начинаниях Шахматова, как орфографическая реформа и Словарь русского языка.

11 мая 1917 г. в малом конференц-зале Академии наук под председательством А. А. Шахматова состоялось то историческое совещание Орфографической комиссии (членами этой комиссии были академики Е. Ф. Карский, П. К. Никольский, С. Ф. Ольденбург, В. Н. Перетц), членов Отделения русского языка и словесности и Разряда изящной словесности, представителей учреждений и некоторых лиц вроде товарища министра народного просвещения О. П. Герасимова, на котором были приняты новые правила орфографии. Впоследствии они были объявлены в циркуляре министра А. А. Мануйлова и затем утверждены в специальном декрете Советской власти.

При А. А. Шахматове по его инициативе широко развернулась издательская работа Отделения русского языка и словесности. При этом Шахматов безвозмездно рассылал экземпляры изданных книг молодым ученым, иногда в провинцию, иногда на Запад, иногда ученым в Петербург.

Благодаря помощи Шахматова ученые систематически и на большие сроки командировались за границу для занятия в библиотеках, архивах и для сбора материалов не только по языкам, но и по этнографии, искусству, народному творчеству.

При А. А. Шахматове же началось издание академических собраний русских классиков. Трудно переоценить значение этого начинания. Как утверждает П. Н. Сакулин, «в конце 1906 г., по мысли И. А. Кубасова, Академия решила приступить к изданию библиотеки русских классиков. Шахматов много души вложил и в это дело...»¹

Шахматов поддержал грандиозное предприятие — издание академического Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого — гордость русской филологической науки. По инициативе Шахматова Академия взяла это дело в свои руки, и Шахматов стал членом редакционного комитета.

Далеко не второстепенным делом была деятельность Шахматова как директора Библиотеки Академии наук. Став директором БАН в 1899 г., он сделал БАН не только второй по своему значению научной библиотекой России, но и превратил ее в важный центр научной работы по вопросам собирания и изучения рукописей, библиографии и библиотековедения. Шахматов ценил «самодеятельность библиотечного персонала», поощрял его научную и библиотечную инициативу. При нем расцвело Рукописное отделение БАН. Он оказывал всяческое содействие экспедициям за рукописями, в первую очередь В. И. Срезневского. Он расширил Славянское отделение библиотеки и стал пополнять его литовскими и латышскими книгами, что раньше не делалось. Благодаря энергичной поддержке Шахматова вышло в свет важнейшее библиографическое пособие «Список русских повременных изданий с 1703 по 1899 год с сведениями об экземплярах, принадлежащих Библиотеке императорской Академии наук» (Труд В. И. Срезневского, СПб., 1907).

А. А. Шахматов способствовал созданию списка указателей русских периодических изданий, предпринятого Н. А. Вукотич. Он предполагал также продолжить «Список русских повременных изданий» с 1899 г. до современности.

Помогал он и другой важной работе — составлению сводного каталога иностранных периодических изданий в библиотеках Петрограда.

Он хотел создать в Петербурге-Петрограде библиотечно-справочный рабочий аппарат, который объединил бы все его научные библиотеки.

Шахматов ясно осознавал, что для наиболее совершенной и экономной организации научных библиотек нужно их объединение. Это в первую очередь дало бы возможность полнее и экономнее выписывать всю иностранную литературу, согласованнее работать.

Он ясно осознал, что разделение Библиотек Академии наук на два академических книгохранилища наносит вред библиотечному делу, и предложил объединить их под своим руководством. Это и было сделано, и благими результатами этого объединения мы пользуемся до сих пор.

Принципиально важно и другое: Шахматов видел в академической библиотеке не только учебное учреждение, ясно понимая, что нельзя просто хранить книги без их изуче-

¹ П. Н. Сакулин. Научно-общественная деятельность А. А. Шахматова. — «Известия Отделения русского языка и словесности» (далее — «Известия ОРЯС»), т. XXV. Пг., 1922, стр. 305.

ния, без их основанного на научных данных пополнения, без хорошо организованной научной библиографии.

Интересен ряд специальных реформ библиотечного дела, предпринятых Шахматовым в целях экономии места. В частности, такие, как расстановка книг по пяти форматам с делением каждого формата на серии.

Хорошо известна история с революционными и, в частности, большевистскими изданиями (книгами и листовками), которым Шахматов дал приют в БАН, сохранив их для истории революционного движения.

Я не хочу сказать, что деятельность Шахматова как директора Библиотеки всегда была только правильной и что в ней не было недостатков. Так, например, Шахматов категорически отказался приобрести для Библиотеки Академии наук ценнейшее собрание лубочных картинок XVIII—XIX вв., что, конечно, было его ошибкой.

Наконец, следует отметить, что по инициативе Шахматова Библиотека стала переезжать в новое хорошее помещение, в котором находится и сейчас.

В своей педагогической деятельности Шахматов никогда не спускался до уровня аудитории, а стремился поднять аудиторию до себя. Иногда его слушали всего три-четыре человека, но это его не смущало, так как он видел (и был прав) в своих слушателях будущих ученых, которым на лекциях не надо развлечений².

Удивительно разнообразен был круг предметов, по которым он читал курсы, вел семинары и просеминары: история русского языка, церковно-славянский язык, русская диалектология, история летоисчисления, «Слово о полку Игореве» (факт этот, между прочим, не был отмечен ни В. В. Виноградовым, ни П. К. Гудзием в их споре—признавал ли Шахматов «Слово» памятником XII в.), памятники древнерусской литературы и пр.

Как член Русского географического общества А. А. Шахматов был товарищем председательствующего, а затем и председательствующим Отделения этнографии; он работал в трех комиссиях (языка, одежды и украшений), принимал самое активное участие в собирании материалов для этнографических карт. Вместе с С. Ф. Ольденбургем он возглавлял Сказочную комиссию. Он поддерживал братьев Б. и Ю. Соколовых, Д. К. Зеленина и других фольклористов. Я не перечисляю всех заслуг А. А. Шахматова в области фольклористики: этому будет посвящен особый доклад. Множество начинаний либо принадлежало Шахматову, либо было им поддержано.

Авторитет русской филологической науки и авторитет Отделения русского языка и словесности никогда раньше не стоял так высоко, как именно при А. А. Шахматове.

Мы в Пушкинском доме должны быть особенно благодарны Шахматову как деятельному покровителю Б. И. Модзалевского во всех его мероприятиях по собиранию архивных материалов, особенно в первые годы революции, когда старое дворянство, покидая Петроград и уезжая в эмиграцию, бросало на произвол судьбы свои архивы.

В. И. Срезневский вспоминает: «Каждый листок, каждый обрывок, носящий признаки старины, вызвали его заботу о сохранности. Помню его ужас, когда во дворе дома Воронцовых, куда в 1920 г. переселился какой-то военный госпиталь, служители Академии наук нашли в куче мусора столбцы XVI—XVII вв.; помню, как он хлопотал, извлекая из-под груды битой посуды, тряпок и рваной бумаги эти ветхие, исписанные тщательной скорописью листки, выброшенные из домовой конторы...»³

Шахматов потому смог стать организатором науки, центром, к которому сходился все, авторитетом, который решал сложнейшие вопросы и к которому прислушивались, с мнением которого считались, что он обладал удивительным нравственным авторитетом. Свой нравственный авторитет он завоевал прежде всего благодаря своей исключительной скромности. Приведу только некоторые примеры.

Как директор Библиотеки Академии наук он отказался от своего кабинета, так как библиотеке не хватало помещений. По всем делам, которые требовали конфиденциального разговора, он приглашал посетителя пойти поговорить между шкапами и стеллажами книг: в Рукописном отделении, которым он заведовал, он не имел собственного стола, а работал за столом Срезневского. Он был душевно деликатен и вместе с тем всегда прямо выражал свое мнение. С. Ф. Ольденбург свидетельствует: «...Он [Шахматов] всегда высказывает откровенно свое мнение, делает поправки, исправляет ошибки и делает это удивительно просто и внимательно... Ал. А. считал, что важно указать на ошибку и безачем произносить приговоры. В одном из писем он пишет о неприятно поразившей его рецензии и спрашивает: „неужели нельзя соблюдать вежливость?“»⁴

С. Ф. Ольденбург отмечает в Шахматове удивительную простоту, отсутствие напускной важности и надменности. Это было следствием не только хорошего воспита-

² Д. К. Петров. А. А. Шахматов как университетский деятель.— «Известия ОРЯС», т. XXV, стр. 143.

³ В. И. Срезневский. Из воспоминаний об А. А. Шахматове в Академической библиотеке.— «Известия ОРЯС», т. XXV, стр. 245.

⁴ «А. А. Шахматов как человек и деятель». — «Известия ОРЯС», т. XXV, стр. 66—67.

ния, умения себя держать, по результатам личной скромности. От этого простота Шахматова приобретала исключительное обаяние. Иравственные достоинства Шахматова притягивали к нему ученых и молодежь, делали его центром ученого мира.

Шахматов обладал «талантом личности» — тем невозможным обаянием крупного и скромного человека, который необходим организатору науки не в меньшей мере, чем и другие социальные черты.

Он без усилий привлекал и объединял людей. По воскресеньям его скромный кабинет (сейчас в нем находится бухгалтерия ЛАНУ) наполнялся учеными, приезжавшими к нему со всей России и из-за границы, главным образом из славянских стран.

Шахматов считал своим долгом отвечать на каждое письмо. Его переписка представляет огромный интерес для науки.

Я бы хотел заключить свою характеристику Шахматова оставленным нам В. Н. Щенкиным описанием наружности Шахматова и его манеры себя держать. Это описание сделано далеко не трафаретно: «Его длинная светлая голова с продолговатым, несколько прямоугольным лицом лежала на очень небольшом, но пропорциональном теле. Она казалась мыслительным аппаратом на устойчивой подставке. Это впечатление смягчалось сдержанно кротким выражением серых глаз и несколько сжатых уст. Взгляд отличался содержательностью: он словно имел сказать что-то. Подходящий чувствовал в Шахматове убежденную общественную личность, направленную к непрерывному полезному труду, проникнутую интересом и спокойным уважением к человеку. Та социальная организация ученых сил, которой так владел Шахматов, давалась ему совершенно естественно и как-то умно и кротко: он вовлекал собеседника в здоровую атмосферу общественного труда, в котором на счету каждая личность, при этом сразу чувствовался и общий принцип или знамя и то, что практически исполнимо и стоит на очереди. В выборе средств, программ, людей, в умении открыть способности, направить и использовать он обнаруживал такую веру в человека, такую рассудительную находчивость и столько бесспорного, словно он объяснял людям, для какого труда они созданы и что они могут сделать сейчас»⁵.

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

С докладом «А. А. Шахматов и проблемы происхождения восточнославянских языков» выступил член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин (Москва). Он доказал, что научное наследие академика по данному вопросу огромно, его труды впервые позволили представить общую картину истории языков восточных славян от праславянской общности до их современного состояния. Шахматовым были восстановлены этапы эволюции русского языка от формы «прарусского» вплоть до XIV в.

Были заслушаны доклады доктора филологических наук В. В. Колесова (Ленинград) «А. А. Шахматов и вопросы славянского языкознания» и доктора филологических наук Л. С. Колзун (Ленинград) «Основная идея шахматовской лексикографии» (об этом см. подробно в журнале «Вопросы языкознания», 1971, № 2).

С докладом «Фольклорные записки А. А. Шахматова» выступила доктор филологических наук А. П. Евгеньева (Ленинград). Сам ученый не считал себя фольклористом, однако во время своих экспедиций в Олонецкую, Калужскую, Саратовскую и Минскую губернии, где он исследовал местные говоры с точки зрения изменений в русской фонетике, Шахматов собирал и образцы фольклора, изучал этнографические данные. Его записки отличаются большой диалектологической тщательностью, но многие былины, сказки, песни до сих пор не опубликованы. Этот широкий фольклорный материал он использовал в своем «Словаре», иллюстрируя историю языка путем привлечения современных диалектных примеров. Здесь нашла отражение органическое единство языка, проявляющееся и письменных памятниках и в элементах живой речи.

С докладом «А. А. Шахматов и проблема реконструкции древнейшего летописания» выступил кандидат исторических наук В. А. Кучкин (Москва).

Исследования А. А. Шахматовым древнерусских летописей — одна из наиболее ярких и плодотворных сторон его многогранной деятельности. Всем известен его истинно грандиозный труд — реконструкция «Повести временных лет». Декладчик остановился на некоторых новых материалах, могущих быть использованными для реконструкции «Повести». Речь шла, в частности, о летописном своде, открытом еще в начале нынешнего столетия самим Шахматовым. Этот памятник составлен экономом Киево-Печерского монастыря Пантелеймоном Кохановским в 1680—1682 гг. Анализ этого свода показал, что его протооригиналом был Хлебниковский список Ипатьевской летописи, прокорректированный по неизвестному своду с более древним текстом. В результате выявления остатков этого древнего свода может быть предложен целый ряд поправок к реконструкции А. А. Шахматова.

Доктор филологических наук Я. С. Лурье (Ленинград) выступил с докладом «Шахматов и летописание XV века». Именно А. А. Шахматов открыл русское летописание XV в., и современные исследования доказывают правильность основных положений

⁵ В. Н. Щенкин. Академик А. А. Шахматов. «Известия ОРЯС», т. XXV, стр. 315.

Шахматова. Однако новые археографические открытия требуют в ряде случаев пересмотра шахматовской системы. Я. С. Лурье высказал ряд предложений о генеалогии летописания XV в., в которых были намечены дополнения и изменения к схеме А. А. Шахматова. Речь идет, в частности, об отказе от гипотезы о Полихроне 1418—1423 гг. как особом посредствующем звене между сводом 1408 г. (Троицкая летопись) и сводом 1448 г. и о более конкретном определении двух памятников: великокняжеского свода, предшествующего своду 1479 г., и общего источника Ермолинской летописи, сокращенных сводов конца XV в. и Устюжского летописца (Кирилло-Белозерский летописный свод). Докладчик отметил, что новые поправки и уточнения исходят прежде всего из того метода сравнительно-исторического исследования летописных текстов, который был разработан Шахматовым.

В докладе кандидата математических наук Б. М. Клосса (Москва) «А. А. Шахматов и хронографическая основа летописания» был рассмотрен вопрос о времени создания русского Хронографа и его взаимоотношениях с русскими летописями. Эта тема чрезвычайно интересовала академика Шахматова на протяжении многих лет. В докладе была выдвинута убедительно аргументированная гипотеза, согласно которой известия Хронографа о истории Руси восходят к Сокращенному летописному своду (близкому к своду 1495 г.), к летописи, близкой к Симеоновской. На основании датировки Сокращенного свода, расчета лет, имеющегося во вводной статье Хронографа, и статей, следующих за его основным текстом, Б. М. Клосс определяет, что русский Хронограф написан в 1488—1494 гг. в Иосифо-Волоколамском монастыре.

В докладе кандидата исторических наук М. В. Кукушкиной (Ленинград) была освещена деятельность А. А. Шахматова как директора Библиотеки Академии наук, которой он уделял огромное внимание, став в 1899 г. директором I Русского отделения Библиотеки. Им был создан рукописный отдел, книжный фонд достиг полутера миллионов томов. После революции значительно расширился контингент читателей, был облегчен доступ к материалам для ученых и студентов. По инициативе директора Библиотека продолжала комплектование фондов и в годы революции. В тяжелых условиях голода и разрухи фонды пополнялись реквизируемыми частными библиотеками и новыми советскими изданиями.

С докладом «А. А. Шахматов и собиранье архивов по истории революционного движения» выступил доктор исторических наук С. О. Шмидт (Москва). В докладе сообщалось много интересных данных, характеризующих академика Шахматова как человека, не только глубоко преданного науке, но и достойного гражданина своей родины, человека большого душевного благородства и мужества. Так, в предреволюционные годы Шахматов, подвергая себя большому риску, хранил в Библиотеке Академии наук материалы, документы и письма виднейших деятелей РСДРП, рукописи Владимира Ильича Ленина; он принимал и большое участие в судьбе В. Д. Бонч-Бруевича, которого неоднократно выручал из рук охранного отделения. С. О. Шмидт отметил, как высоко ценил В. И. Ленин деятельность А. А. Шахматова.

Доклад студента Московского государственного историко-архивного института (МГИИ) М. А. Робинсона был посвящен отношению А. А. Шахматова к волнениям русского студенчества. Он неоднократно выступал за сохранение независимости университетов, с глубоким сочувствием относился к студенческому движению. В 1911 г. он активно выступил в защиту репрессированных студентов Петербургского университета, ходатайствовал об облегчении их участи, признавая несправедливыми правительственные антистуденческие меры, в знак протеста отказался от чтения лекций. Шахматов сознавал и консервативное отношение царской власти к прогрессивному развитию науки и просвещения. В вопросе о студенческом движении он занимал радикальную позицию, приближаясь по взглядам к передовой русской интеллигенции.

О взаимоотношениях двух ученых — А. А. Шахматова и А. Е. Преснякова — рассказал в своем докладе студент МГИИ С. В. Чирков. Их научное общение, плодотворное сотрудничество в области изучения летописей важно и интересно не только в генеалогическом плане, но и тем этическим элементом в науке, выразившимся в традиции обмена мыслями ученых неравного положения, не всегда сходящихся в специальных вопросах, но умевших сохранить крайнюю доброжелательность и сердечность в отношениях. Они дали достойный пример для подражания, представляющий значительное и заслуживающее изучения культурно-историческое явление.

Совещание, посвященное памяти академика А. А. Шахматова, внесло свой вклад в разработку огромного научного наследия замечательного русского ученого.

С заключительным словом выступил Д. С. Лихачев. Он подчеркнул деловой, рабочий характер научной сессии и предложил решение, в котором, в частности, говорилось о необходимости издать сборник документов о научно-организационной деятельности А. А. Шахматова и выразилось пожелание подготовить полное издание трудов А. А. Шахматова «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.». Д. С. Лихачев отметил, что еще А. А. Шахматов поднимал вопрос о создании Совета по комплексному изучению древнерусской культуры, поэтому вполне уместно обратить внимание вышестоящих организаций на необходимость создания такого Совета.

9 октября на Волковом кладбище состоялось возложение венка на могилу А. А. Шахматова.

Г. В. Маркелов